

(история одной семьи)

900 дней и ночей, наполненных невероятными страданиями, смертью близких, погибавших от голода и холода. 900 дней, отмеченных безмерным мужеством рабочих, многие из которых с трудом держались на ногах, но не покидали промерзших насквозь заводских цехов. Пискаревское кладбище, ледящий душу размеренный стук метронома, □ дневник Тани Савичевой... Все это блокада Ленинграда, вписавшая одну из самых трагических страниц в историю Великой Отечественной войны. Такое не забывается. □ Как и чувство голода, испытанное в раннем детстве...

В свои неполные восемьдесят лет Шагидулла Мьявлютович хранит в памяти события далекого прошлого, когда его, совсем еще крохой, увозили из блокадного Ленинграда по Дороге жизни через Ладогу.

Фото из семейного архива Ш.М. Сюбаева. Его отец (в центре) с друзьями из Черемешево перед отъездом в Ленинград. Они тогда окончили курсы трактористов-шоферов и поехали работать на Кировский завод. Фотография сделана в середине тридцатых годов.

«Я помню алюминиевую кружку»

- Не поверите, но я до сих пор иногда ощущаю то, что тогда пришлось пережить, - говорит Ш.М. Сюбаев. - Словно из подсознания всплывают картины: вот мы с няней Зиной вместе с другими эвакуированными едем в грузовой машине по льду Ладоги. Сама страдающая от холода, Зина как может, старается укутать меня своим пальто. Вдруг раздаётся надсадный вой, потом - взрыв. Во льду неподалеку от нашей машины появляются трещины, через которые просачивается вода, а люди, вместо того, чтобы бежать и прятаться, хватают кружки, выпрыгивают из машин и черпают эту воду. А потом пьют, долго и жадно, чтобы хоть так утолить мучавший всех нас голод...

«Отцу тогда дали квартиру в Ленинграде»

Родители Шагидуллы Мавлютовича Сюбаева были родом из Черемешево. Отец, Мавлют Саитович, работал шофером. Мама, Софья Тагировна, была домохозяйкой. В 1935 году семья переехала в Ленинград, где жили родственники. Отец стал водителем секретаря райкома партии в Кировском районе, потому вопрос с жильем решили сразу же. Мать устроилась работать на Кировский завод, а с детьми сидела вызванная из Черемешево сестра матери Зина. Жили хорошо, пока не грянула война. Отец, участник финской, ушел на фронт. Шагидуллу вместе с Зиной отправили в эвакуацию. От Горького (теперь Нижний Новгород) до Черемешево они добирались полтора месяца. Ехали по старой питерской дороге, которая существует и сейчас. Мать с двумя другими сыновьями ехала через Пензу, встретились они лишь в Черемешево, куда отправили еще пять семей эвакуированных из Ленинграда. Жить пришлось в заброшенных домах. Ни топлива для печей, ни еды.

- Нас, правда, старалась поддержать семья Сибгатуллы Кудрякова, делились, чем могли, но ведь и у них лишнего не имелось! – говорит Сюбаев.

«Брат младший умер от голода»

- Когда в половодье начинала оттаивать земля, мы с братьями собирали мерзлый картофель, мама из него пекла лепешки. Выручала и речушка, протекавшая позади села, в ней водились пескари, которых мы ловили на удочку, потом жарили на сковородке. А до этого ходили по окрестным селам, прося у жителей милостыню, кто что подаст. Столько лет прошло, но я до сих пор хорошо помню то чувство страшного голода, отнимавшего последние силы. Тогда от голода умер мой младший брат Фатих, - вспоминает Шагидулла Мавлютович. – Мучило и другое: от отца не было никаких известий. Но мама все равно его ждала, так и не вышла второй раз замуж. Лишь спустя

годы я узнал, что отец в звании капитана был командиром танковой роты в экспедиционном корпусе. С этим корпусом связано много тайн, как и с лендлизом, из-за которого многие наши солдаты и офицеры оказались в Турции и в Иране. Считается, что корпус пропал бесследно, где-то на границе. Точно также пропавшим без вести считался и мой отец. Потому мы не получали за него паек, положенный семьям офицеров. Лишь в 1945-м, когда удалось документально подтвердить, что мы из блокадного Ленинграда, а наш отец – капитан танковых войск, нам стали выделять хоть какое-то довольствие. Уже, будучи взрослым, я пытался найти хоть что-то в архивах. Бесполезно. Лишь встреча с другом отца, Александром Ивановичем Соколовым, пролила свет на отдельные факты из военной биографии самого близкого мне человека. Но об этом чуть позже.

«Нас тогда кормил
Карев»

- После того, как пришли документы, подтверждающие, что мой отец – офицер, к нам приехали из Саранского военкомата. Увидев, в каком плачевном состоянии находимся мы с братом, а мы были очень сильно ослаблены, военные посадили нас с матерью в машину и отвезли в город. Там нам выделили комнату, мать устроилась работать на птицекомбинат, он тогда находился на улице Рабочая. Наконец-то в доме появилась еда! – продолжал рассказ Шагидулла Мавлютович. - Директором комбината был фронтовик Владимир Дмитриевич Карев, но благодарность к этому человеку я сохранил в душе навек. При комбинате имелась столовая, так вот после того, как рабочие заканчивали обедать, Карев собирал нас, мальчишек, вел в столовую, где нас бесплатно кормили обедом.

«Лишь Соколов спас меня»

Окончив школу и отслужив в армии, где он был секретарем комитета комсомола батальона, а потом полка, Шагидулла Мавлютович вернулся в Саранск. Устроился на работу на завод медпрепаратов. А потом горком партии направил его на комсомольскую работу в Лямбиров – первым секретарем райкома ВЛКСМ – когда образовался Лямбирский район. Затем была должность председателя колхоза в Аксеново. Вот где во всей полноте проявились организаторские способности Сюбаева. Тогда Шагидулла Мавлютович сделал ставку на своих специалистов, которых готовили в вузах, посылая на учебу местных ребят. И возлагаемые надежды оправдались полностью. Камиль Секаев, став агрономом, занимался выращиванием сортового лука. Камиль Абдюшев впоследствии сам стал руководителем сельхозпредприятия. Хороший специалист получился и из Шамиля Хабибуллина. Чтобы облегчить труд специалистов, Сюбаев закупил для них лошадей, на этом «транспорте» они и ездили по полям. Потом в хозяйстве начали заниматься разведением племенных коней. На скачках в Горьком и в Москве брали призы. А еще Сюбаев практиковал поездки в Горький для своих рабочих. После того, как осенью завершались уборочные работы, брали автобусы, с утра пораньше выезжали. Сначала смотрели на ипподроме скачки, болея, разумеется, за своих коней, потом – по магазинам. Люди затаривались от души, хоть одеждой, хоть продуктами. Тоже помощь селянам хорошая. И надо же такому случиться, что кто-то обзавидовался, глядя на то, как крепнет хозяйство. Скорее всего, был состряпан донос,

в лучших традициях тридцатых годов. Согласно обвинению, Шагидулла Мавлютович был участником... тотализатора на ипподроме. Плюс, еще «куча» «хвостов».

- Да это же мошенник! – исходил злостью один из высокопоставленных партийных работников. Сначала Сюбаев был вынужден положить на стол партийный билет. Потом дело могло окончиться судом и конкретным сроком. Вмешалась сама судьба. Во время службы в армии Шагидулла Мавлютович ездил в Москву, где ему удалось разыскать друга отца – офицера Александра Ивановича Соколова, тот был комиссаром полка, служил вместе с Сюбаевым – старшим.

- Не смей даже думать о том, чтобы продолжать поиски данных об отце! – сказал тогда он ему. – Мавлюта Саитовича я помню хорошо, высокий, худощавый, по характеру очень порядочный, настоящий офицер. Но мы давали подписку о неразглашении, поэтому для тебя лучше же будет, если ты ничего не узнаешь о нем. Не ищи проблем для себя и своей семьи!..

И так было угодно судьбе, что разбирать персональное дело Сюбаева приехал инструктор из ЦК партии, им оказался тот самый Соколов. Они сразу же узнали друг друга. «В партии можешь не восстанавливаться, если не хочешь, но по этапу не пойдешь, я этого не допущу!», - сказал Шагидулле Мавлютовичу Александр Иванович. И спас сына своего фронтового друга от готовящейся расправы. В партии Шагидулла Мавлютович, действительно, не стал восстанавливаться, но был оправдан. Потом его забрал к себе Виктор Александрович Скопцов. В восьмидесятых годах Сюбаева опять направили на работу в Лямбиль, только уже главным зоотехником в Управление сельского хозяйства, откуда он и ушел на заслуженный отдых.

И еще один штрих, наглядно характеризующий героя нашего повествования. В середине шестидесятых годов Шагидулла Мавлютович с женой приехал в Ленинград – хотелось еще раз увидеть дом, в котором он жил до войны с родителями. В их квартире, конечно, находились другие люди.

- Вы теперь претензии будете иметь? – с опаской спросили его. Тогда ведь еще действовал закон, по которому эвакуированным в годы блокады ленинградцам возвращали их дома, имущество.

- Нет, - успокоил жильцов Сюбаев, хотя и имел все права на утраченную жилплощадь. Но зачем же людей выселять? Куда они пойдут? Да, люди того поколения мыслили и жили иными категориями, которые многие из наших современников могут просто не понять: как это так? Из-за каких-то незнакомцев отказываться от квартиры в центре Питера?! А он просто не мог по-иному, не по совести, считал, это будет. Что тут еще добавить, да и надо ли?

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА